

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Архангельский государственный музей деревянного
зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

**МАЛЫЕ
КОРЕЛЫ**
музей деревянного зодчества
новые ценности – из эпохи традиций

Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 45-летию музея «Малые Корелы»
(Архангельск, 8 – 11 июля 2009 года)

k 1420771

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Архангельск
Музей «Малые Корелы»
2010

17. ГААО. – Ф. 29. – Оп. 3. – Т. 1. – Д. 1973. – Л. 1 – 1 об.
18. ГААО. – Ф. 29. – Оп. 31. – Д. 2244. – Л. 1 – 3 об.
19. ГААО. – Ф. 29. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 40. – Л. 211, 212 об.
20. ГААО. – Ф. 29. – Оп. 2. – Т. 3. – Д. 203. – Л. 2 – 12 об.
21. Там же. Л. 18 – 19.
22. Фофанова В.В. К пастырским обязанностям ревностен // Архангельский епархиальный вестник. – 2004. – № 9 (октябрь). – С. 8.
23. ГААО. – Ф. 4097. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 114.
24. ГААО. – Ф. 301. – Оп. 1. – Д. 206. – Л. 33.
25. ГААО. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 61 об., 80; Ф. 4097. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 133.
26. ГААО. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 5.
27. ГААО. – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 431.
28. ГААО. – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 117. – Л. 114 об.

А.Б. Пермиловская,

кандидат культурологии, старший научный сотрудник

Института экологических проблем Севера УрО РАН, г. Архангельск

Народное храмовое зодчество.

Ценности и смыслы традиционной культуры Русского Севера

Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим миром. Обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая в свою очередь влияла на его поведение и мировосприятие. Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство.

Храм как наиболее семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского «мира» [27, с. 172]. Нельзя забывать о том, что для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира. Храмы как символы мироздания господствуют в этом пространстве, жилище человека составляет второй план, хозяйствственные постройки – третий.

Церкви, колокольни, часовни, обетные кресты, ставившиеся в ходе освящения территорий, включались в важнейшие объекты крестьянского мира [11, с. 9] – в деревни, дороги, угодья, холмы, водоемы. «Сакральными символами различного уровня служили природные элементы ландшафта, такие как горы, деревья, камни. Часто получившие противоречивые значения, в наиболее высоком смысле, они символизировали ось мира и самого Христа. Каждому из повышенных мест в мифопоэтическом и традиционном сознании придавался особый статус. Они выступали медиаторами между земной и небесной сферами» [25, с. 24].

Топография крестьянского мира представляла собой идеальное воплощение пространственной структуры мироздания, отраженное в группе поселений, объединенных в северной волости. «Монастырь, погост, часовни, кресты – дома Бога; хоромы вокруг – дома человека. Неслучайно, в древнеславянских языках

«храм» и «хоромы» означают жилище. Бани, овины, риги и гумна, стоящие по-одаль, ближе к воде и лесу, – обиталища нечистой силы. Все эти строения и располагались в волости сообразно их значению: если храмы – символы небесного мира – господствовали в пространстве, то кресты были видны лишь из нескольких близстоящих домов, хозяйственные постройки и вовсе находились за окольицей или же прятались в низинках, у самого берега» [18, с. 85 – 86].

Так же, как и названия деревень, храмоименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания наследников этих территорий. В этом явлении просматриваются определенные черты системы духовных ценностей общества, особенности мировоззрения создателей этих храмов.

«Имя оценивается церковью, а за нею всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия» [32, с. 38]. Известно, что в именованиях храмов отражалась иерархия православных вероучительных ценностей. На вершине ее – учение о Боге как творце мира, существ в единстве Святой Троицы. О почитании его свидетельствовала группа храмов с господскими (то есть освященными во имя Господа) храмоименованиями: Рождественские, Воскресенские, Вознесенские, Преображенские и другие. Вслед за нею следует группа храмоименований, отражающих почитание предводителей небесных сил бесплотных (архангелов): Михайло-Архангельские, Гаврииловские. Затем следует группа храмов, посвящение которым отражают почитание Богородицы: Богородицерождественские, Введенские, Благовещенские, Успенские. Еще одну группу составили храмоименования, напоминающие о роли ветхозаветных пророков, а также первых учеников и последователей Христа – апостолов: Ильинские, Андреевские, Иоанновские. Наконец, сознанию православного крестьянина было присуще почитание святых: мучеников, преподобных, праведников, исповедников, в том числе и местночтимых: Георгия, Николы, Параскевы Пятницы, Зосимы и Савватия, Макария и других [12, с. 238 – 239].

В пределах сакрального пространства народное мнение выделяло приходы материнские и дочерние. Первые отличались не только древностью, но нередко и наличием особо почитаемых икон или святынь. Взаимосвязь приходских храмоименований роднила приходы и создавала особый сакральный ландшафт, придающий северорусскому пространству православную наполненность и духовные ориентиры.

Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края. В них воплотились религиозные представления и ценности. Выбор святого или праздника, в честь которого сооружались церковь или часовня, не был случаен. «Список священных имен был достаточно компактным и устойчивым на всем пространстве Русского Севера» [28, с. 82].

По данным Холмогорской и Устюжской епархии, «больше всего было выстроено часовен во имя Николая Чудотворца, вмч. Георгия, Флора и Лавра, Власия Севастийского и Ильи Пророка» [2, с. 16]. Подобный выбор типичен для крестьянина, землемельца и скотовода и вполне соответствует традиционной «специализации» православных святых в народной культуре.

Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая. С.В. Максимов, побывавший в середине XIX веке на Зимнем бе-

регу Белого моря, писал о церкви в мезенской деревне Семжа: «По обыкновению всех поморских церквей, освящена она также во имя святителя Николы, как бы в подкрепление народной поговорки, которая давно уже и справедливо гласит, что от Холмогор до Колы – тридцать три Николы» [17, с. 32].

В образе Святого Николая воплотились верования северян в своего русского и морского бога. В результате этого дни чествования Николы совпадали с народно-хозяйственным и промысловым календарем. В Поморье к ним приурочились многие артельные обычай и праздники.

Икона с изображением Николая Чудотворца была в местном ряду почти каждого северного храма и красном «святом» углу крестьянской избы. «В иконе Николы усматривается как бы квинтэссенция иконы как таковой, то есть выражение самой сущности иконы» [30, с. 14]. Недаром в народе бытовала поговорка: нет икон как Никол, и существовало убеждение, что вообще каждая икона Николы является чудотворной.

По исследованиям А.А. Ивановой и В.Н. Калуцкова, похожую ситуацию можно наблюдать в Пинежье и выявить следующие смысловые доминанты местной сакральной традиции. Более всего храмов и приходов (12) на Пинеге было посвящено Николаю Чудотворцу [10, с. 193].

Наряду с храмами в честь Николы были освящены 10 часовен и возведены Никольские обетные кресты; в Сурском приходе находился Никола-ручей [10, с. 189]¹. Ручей приобретает статус святого места благодаря однажды произошедшему чуду – явлению иконы и неожиданному исцелению и спасению.

Святыни в честь вмч. Георгия / Егория, покровителя скота, также образуют значительную в количественном отношении группу: 16 церквей, 12 часовен. У Егорьевских храмов и часовен кропили скот при первом выгоне, совершали молебны в случае пропажи или болезни домашних животных. Третью позицию в ряду святых, в честь которых в этом регионе возводились церковные постройки, занимает Параскева Пятница – покровительница женского труда [10, с. 194].

Роль храма в структуре микро- и макрокосмоса отразилась также в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни) и поселения. Существует корпус исторических преданий и легенд о выборе места для этих основных составляющих культурного ландшафта Русского Севера, введенных в научный оборот Н.А. Криничной. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритuale использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семиотичности.

Выбор места для строительства деревни и храма в народных представлениях был идентичен. Он отражал их сакральное значение и божественное указание на место постройки. «Хотели построить деревню – бросали икону в воду. Три раза бросали – три раза она приплывала на одно и то же место. Куда икону принесло, там и деревню построили. Вирму (речь идет об основании деревни Вирма

¹ Информант: Н.Д. Филиппова, м.п. – село Сура, Пинежский район.

в Карелии) хотели вначале выше построить: вода здесь соленая... А так и поселились здесь. И церковь построили Петру и Павлу...» [13, с. 39]¹.

Согласно преданию место для поселения (храма или часовни) выбрано с помощью языческого обряда, атрибут которого в данном конкретном случае модифицирован – икона. Ее языческие эквиваленты: сорная трава, срубленное дерево (бревно, строительный лес), доставляемое на угодное место Богу (божеству) водой либо священным животным (конем). Икона эквивалентна и самой воде, огню, камню (горе) либо животному. Соблюдением этого обряда мотивируется в данном тексте неудачное поселение – у соленой воды. Объект культового назначения посвящается тому святому, чья икона «явилась».

Легенда об основании деревни Козьмины Горы гласит: «Осенью два брата деревни Гусевской: Козьма и Ефрем – отправились на охоту. Под вечер они заметили мерцание огонька, подошли к нему и увидели на елке икону Спасителя (убруса²), а перед ним теплящуюся свечу. Возвыщенное, удобное для хлебопашества местоположение; кругом на необозримое пространство дремучий лес, изобилующий зверями и птицами; обретение иконы, свидетельствующее об особенном покровительстве божьем к тому месту, прельстили братьев-охотников, и они переселились туда на жительство. По имени одного из них деревня названа Козьмиными, а Горами – потому, что стоит действительно на горе... Явленная икона обитает в часовне на Козьминых Горах, построенной возле елки, в которой была обретена...» [20, с. 603, 40, 230].

Выбор места для поселения и для культовой постройки в данном случае осуществляется с помощью дерева, иконы (убруса) и огня (свечи), причем на горе, которая также являлась объектом почитания.

Предание об основании деревни Сухое имеет традиционный мотив: выбор места для поселения и для культовой постройки определен с помощью совмещенных языческих и христианских атрибутов: «лесины» и иконы. Но место также оказывается неудачным – далеко от воды. «Хотели встать на реку туда по дальше. Но положили туда икону, встали утром – а она тут же на наволоке сухом, на лесине. Тут и построили деревню: так и есть Сухое. Из того леса дома работали, колокольню делали. Была сперва часовня. Священника у нас не было никогда. Приезжал только в престольный праздник (у нас был десятого августа) и на третий день после Пасхи... А потом (уже при мне, я помогал строить) поставили колокольню» [20, с. 39]³.

Об основании церкви в деревне Паданы Медвежегорского района Карельской АССР: «...лошадь запрягали на дровни, на дровни клали бревно, ставили икону и пустили лошадь, а где она встала, там и церковь строили» [26, с. 106]⁴.

¹ АКФ. 135. № 126. Информант: М.С. Попова, м.р. и м.п. – село Вирма, Беломорский район Карельской АССР; № 127. Информант: Ф.И. Филатова, м.р. и м.п. – село Вирма, Беломорский район Карельской АССР, запись 1969 года.

² Убрус – платок или полотенце, вышитое узорами, расшитое золотом, жемчугом. Здесь: изображение Спаса Нерукотворного.

³ АКФ.135. № 123. Информанты: О.А. Комарова и П.М. Комаров, м.р. и м.п. – деревня Сухое, Беломорский район Карельской АССР, запись 1969 года.

⁴ Информант: Н.Д. Лиликов, м.п. – д. Паданы, Медвежегорский район Карельской АССР.

Конь в народной традиции – одно из наиболее мифологизированных животных, атрибут мифологических персонажей. Он связан одновременно с культом плодородия (солнца), смертью и погребальным культом. Отсюда роль коня в календарных и семейных обрядах (прежде всего в свадьбе) и гаданиях. По археологическим данным, конь (наряду с птицей) был главным погребальным животным. Он выступал медиатором между мирами, поэтому повсеместно конский череп использовался в качестве строительной жертвы.

В историографии по культовому зодчеству Русского Севера сложилось весьма устойчивое мнение о том, что северные зодчие при строительстве руководствовались как утилитарными, практическими соображениями – приблизить храм, дом, поселение к воде и лодке как к основному средству передвижении, так и эстетическими. В свете этих представлений храму (или часовне) принадлежит особое место как архитектурно-градостроительному центру поселения.

Таково, например, мнение Ю.С. Ушакова: «Для всех случаев размещения общественного центра характерно одно обязательное и очень ценное качество: природное основание выбранного места является важнейшим элементом композиции, при создании которой тонко учитывались и соотношения природного основания и будущего сооружения, и зрительные связи с порядками жилых домов, с восходом и заходом солнца, и дальние зрительные связи с водных и сухопутных путей к селению» [31, с. 97].

Но так ли это? И было ли только природное основание главным при выборе места для постройки часовни, храма, культового ансамбля («тройника») и собственно поселения на Русском Севере?

Нельзя не согласиться, что влияние природного ландшафта – важнейшая доминанта. Это та базовая основа, естественный природный каркас, который в результате жизнедеятельности человека преобразуется в культурный ландшафт. Природа и климат, безусловно, нашли отражение в формировании ментальности русского народа.

Основу мировоззрения русского крестьянства составляло православие, куда вошли дохристианские, языческие верования славян. Охарактеризовать соотношение языческих и христианских элементов в мировоззрении русских крестьян достаточно сложно: обычно они неразделимы и составляют единую веру, которую, безусловно, нельзя назвать «двоеверием». В настоящее время она получила название – «народное православие».

Мировоззрение и самосознание этноса лежат в основе традиционной культуры Русского Севера. К XVII веку на его территории сформировалась русская народность (ее северорусская группа), а на окраинах – народности финно-угорского происхождения. Сложившаяся «этническая карта» Русского Севера не претерпела существенных изменений до настоящего времени. Местные региональные наименования жителей, судя по источникам этого периода, перестали употребляться, так как все население четко осознавало себя русским. Нередко слова «русские» и «православные» заменяли друг друга. В сознании людей эти слова стали означать одно и то же, то есть этническое и религиозное сознание слились воедино [6, с. 116 – 117].

В исследованиях Н.М. Теребихина Русский Север рассматривается как особое сакральное пространство, высказывается мнение, что процесс освоения Севера русскими людьми порождался не материальными (в самом широком значении) интересами или нуждами людей, а сугубо духовными: на Север шел поток людей, руководствуясь православной идеей поиска Града Небесного, Царства Божия на Земле [27]. Это действительно справедливо в отношении монахов-отшельников, а переселенческие потоки из Новгорода и Москвы продвигались на Север в поисках новых земель и источников жизни для «насельников» территорий и их семей, оставаясь людьми православными при этом. Прежде всего, они думали, чтобы выжить в трудных климатических условиях, построить жилище, храм и основать поселение. Но выбирая место для строительства храма, они не исходили только из законов зрительного восприятия (Ю.С. Ушаков), а руководствовались в выборе места, указанным свыше (Божиим Промыслом). Его часто определяли с помощью предметов, обладающих высокой степенью семиотичности (дерево, икона), что подтверждается корпусом легенд и преданий о выборе места для строительства храма, часовни и поселения на Русском Севере.

По мнению Н.М. Теребихина, представления о том, что северные зодчие учились у природы и подражали ее формам в архитектуре, «совершенно не учитывают особенностей религиозного сознания, которое не могло учиться у твердого мира (то есть природы) или подражать ему. Гармония природы и архитектуры, порождавшая удивительные по своей соразмерности архитектурно-природные ансамбли, покоялась не на подражательных законах архитектурной бионики, а на единстве восприятия и природы, и архитектуры как разных проявлений единого Образа Божьего – той истинной меры и красоты, у которой учились и которой подражали северные зодчие. Поэтому при выборе места для строительства храма они исходили из стремления постичь Божественный Промысел, явленный в разнообразных знамениях, откровениях, пророчествах. Другими словами, они пытались отыскать место, самим Богом созданное или указанное для прославления и украшения его храмовым ансамблем. Такое место, отмеченное Божьей благодатью, характеризовалось особыми приметами, необычностью» [27, с. 176].

Действительно, многие храмы характеризовались выраженным природно-ландшафтным расположением и находились на возвышении – «гриве» (Мезень). Высокие шатровые храмы по побережью Белого моря были видны морякам за многие десятки километров и служили своеобразными ориентирами и маяками.

Уважительно относясь к исследованиям Ю.С. Ушакова и Н.М. Теребихина и отмечая их значительный вклад в изучение культуры Русского Севера, автор, тем не менее, не разделяет полностью их позиции по вопросу местоположения культовых сооружений и предлагает свое видение этой проблемы.

Думается, нельзя объяснить местоположение культовых построек только с точки зрения духовно-богословских основ, как и восприятие Русского Севера в целом – «Обетованной землей Царства Небесного» (Н.М. Теребихин). Нельзя подходить к проблеме также только с позиций ансамблевой организации и «великолепного знания народом законов зрительного восприятия» (Ю.С. Ушаков).

Этих архитектурно-градостроительных понятий не знали северные плотники. Поэтому в постановке и осмыслении данной проблемы логично исходить не только с точки зрения православия, а обратиться к сравнительному опыту изучения мировых религий. По мнению Ю.М. Лотмана: «Культура – открытое окно. Историческая судьба русской культуры – всегда быть одновременно русской и больше чем русской, вырваться за пределы себя самой. Это делает теоретические исследования русской культуры не только частью, но и неизбежным полигоном мировой культуры»¹.

Крестьянским культурам разных народов присущ единый «космический уровень». Это единство философ и историк мировой культуры Мирча Элиаде назвал «космической религиозностью», или космическим (народным) христианством.

Христианство трансформировало крестьянские культуры. Народные разновидности религий и мифологий, имеющие сельскохозяйственную структуру, сохранились, трансформировавшись в христианство. Множество богов и героев, убивающих драконов, превратилось в Георгиев-Победоносцев, боги грозы превратились в святого Илью, многочисленные богини плодородия были приравнены к Богородице или святым. Можно сказать, что какая-то часть народной религии дохристианской Европы выжила и сохранилась, приняв форму календарных праздников и трансформировавшись в культа святых [33, с. 184].

Для крестьян Восточной Европы такое положение вещей не было «язычанием христианства», а наоборот – «охристианиванием» религии их предков. «Космическое христианство жителей сельских областей исполнено ностальгии по природе, освещенной присутствием Иисуса, ностальгией по раю, желанию преображения природы, пребывающей нетронутой и первозданной, защищенной от постоянных потрясений, войн, разорения. Это «идеал» земледельческих народов, постоянно разоряемых воинственными ордами кочевников и эксплуатируемых различными «хозяевами» [33, с. 186].

Человек архаического общества ощущает себя частью Космоса – Природы – Божества. Важно также отметить, что эта взаимосвязь ощущается настолько сильно, что в некоторых языках понятие «мир» используется также для обозначения понятия «год». Например, говорят: «мир прошел» или «земля прошла», когда хотят сказать, что истек год [33, с. 71].

Для христиан, в том числе и для православных крестьян Русского Севера, природа – не мир греха, а творение рук Бога. Именно поэтому Церковь и Христос приняли столько космических символов, а крестьянские зодчие учились у природы божественной гармонии «красоты и пользы» и использовали этот опыт в народной архитектуре.

Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим ландшафтом, обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая в свою очередь влияла на его поведение и мировосприятие.

Говоря о культурных смыслах и ценностях народной архитектуры Русского Севера, нужно отметить, что польза и красота, материальные и духовные инте-

¹ Коды культур Ю. Лотмана. См. каталог статей. Режим доступа: ako.ucoz.ru/publ/1-1-0-48.

ресы крестьян неразделимы, а годовой цикл воспринимается ими не просто как смена времен года, а как кругооборот сакральных, дающих жизнь и плодородие сил земли. Вот почему начало и окончание сельскохозяйственных работ (например, начало сева, жатвы) отмечались как большие праздники, сопровождаемые различными обрядами, песнями, играми. Говоря о верованиях северных крестьян, нельзя не отметить такого качества народного мировоззрения, как ощущение взаимосвязи и взаимозависимости людей и природы, представление о мире как о своеобразном «природном храме».

Так, говоря о восприятии природы и отношении к ней народного мировоззрения, Д.С. Лихачев утверждал, что для средневекового человека природа – это прежде всего организованный Богом мир, который, несомненно, выше человека, «учит человека, подает человеку добрый пример праведной жизни» [15, с. 45].

Северная агиография дает возможность проследить влияние природного ландшафта при выборе участка для будущего монастыря – в лесу, на берегу реки, среди холмов. «Мир природы – это мир святости, уход от человеческого мира в богоустановленный порядок не испорченный грехом природы» [15, с. 46]. Природа – это второе откровение, второе писание. Видимая природа «как бы книга, написанная Царством Божиим» [16, с. 162].

В современных культурологических исследованиях все чаще стала выделяться проблема народного самосознания, поскольку в нем можно найти отражение разнообразных сторон жизнедеятельности людей. С этой точки зрения, под народным самосознанием понимается осознание человеком / народом своего мировоззрения, образа жизни, поведения, характера, ментальности. Народное мировоззрение включает в себя видение мира, присущее данному этносу.

Для мировоззрения крестьян характерна целостность, синкретичность восприятия мира во всех его проявлениях, постоянное ощущение взаимосвязанности людей и природного универсума, включенность человека в космические и природные ритмы. Крестьяне не стремились выделиться из окружающей природы, бороться с нею. Важнейшим для занимающихся сельскохозяйственным трудом людей было ощущение стабильности, уверенности в постоянстве ежегодного кругооборота, закономерной смены времен года, необходимой для того, чтобы посеять, вырастить и собрать урожай, составляющий основу благополучия и жизни крестьянской семьи [7, с. 12].

Необходимо также признать, что в народном христианстве вплоть до наших дней находят проявление некоторые черты мифологического мышления. По исследованиям М.Н. Власовой, составившей словарь пантеона низших мифологических существ русского фольклора, даже в церкви, где днем служит священник, ночью могут отправлять свои службы покойники и нечистые духи. И это не две разные церкви, а одно священное, пронизанное сакральными силами пространство. В какой-то мере распространению таких воззрений способствовала и сама церковь, рекомендуя строить храмы на месте языческих святилищ. Интересно, что по поверьям XIX века в Олонецком kraе водяные любят селиться возле церквей и распределяются по приходам [7, с. 26].

По материалам Вологодской губернии, в церкви обитал особый дух – церковник, иногда им называли появляющегося в церкви покойника. «Многие из

здашних крестьян верят, что нечистая сила живет даже при церквях, в особенностях на кладбищах, а также на мельницах, в казенных зданиях, например в училищах...» [7, с. 188, 337]. Такое название отмечено на Русском Севере и под ним понимается покойник (дух предка), приведение, появляющееся чаще всего на церковной колокольне. Церковник имеет облик старика, человека в белом и в общем сходен с колокольным маном.

В свете особенностей ментальности крестьянства Русского Севера необходимо также рассматривать устойчивые метафоры, отражающие ценности народного самосознания.

«Мера и красота» – эта метафора характеризует единство усилий в борьбе за материальное начало и торжество духа в Древней Руси. Эту сопряженность материального и духовного лучше всего демонстрируют два предмета, традиционно присутствующие в каждой крестьянской избе: топор и икона. Топор был главным и незаменимым орудием, с его помощью человек подчинял себе лес. Икона, как священный образ, являлась хранителем крестьянина – ее несли впереди, когда шли с топорами в лес – валить деревья или отражать нападение врага [4, с. 56 – 57].

Топор – это универсальный инструмент в руках северного плотника, с помощью которого «можно и дом построить, и ложку вырезать» [9, с. 784].

Сакрализация плотницкого ремесла порождала оппозицию: святое / нечистое. Это зависело от специализации плотницкой артели. Плотники, строившие дома или хозяйственные постройки, наделялись нечистой, колдовской семантикой: «с плотниками, которые избу рубят, надо честно обходитьсь, чтобы они не заговорили избы на голову хозяина» [9, с. 109].

Строители храмов, напротив, считались святыми людьми, наделенными божественной силой. Это противопоставление двух ипостасей сакрального по своей природе плотницкого мастерства основано также на оппозиции: дом/храм, которое соразмерно микрокосмосу/макрокосмосу. При строительстве храмов и часовен северные плотники готовились к этой работе заранее в плане духовного очищения от мирской скверны. Накануне они мылись в бане, воздерживались в еде, не употребляли спиртные напитки, не использовали в своей речи бранных выражений и, когда приступали к работе, надевали чистую одежду, вероятно, имело место и половое воздержание.

Оппозиция дом/храм позволяет объяснить глубинную семантику мотива священного топора. Предание о построении Преображенской церкви на острове Кижи гласит, что построил ее легендарный мастер Нестер и «на одном бревне он вырубил: «Церковь эту построил мастер Нестер, не было, нет, и не будет такой... Нестер со священным топором поднялся до последней главки, привязал до креста алую ленту, а топор закинул в озеро и поклялся, что такого чудесного храма нет нигде, и не будет больше никогда, и топор этот никто не найдет. И тогда начали святить церковь, а Нестера больше никто не видел» [13, с. 45 – 46].

Мотив заброшенного священного топора раскрывает глубокую мифологическую идею завершенности храма, его уникальности и неповторимости. Храм устремлен к небу, к горнему духу, он всегда закончен в строительстве. Это подчеркивает различие между сакральным характером строительства храма и про-

фаническим характером строительства дома. Последнее не знает конца, никогда не достигает завершенности, поскольку окончание строительства дома знаменует смерть главы семьи или кого-либо из домочадцев [28, с. 101].

По воззрениям русского крестьянства плотники, как и представители других древнейших профессий, обладали не только производственными функциями. Им приписывались тайные способности, знания, контакты с нечистой силой, лесом, причем считалось, что чем выше их мастерство, тем сильнее их скрытые способности [3, с. 56].

В селе Кимжа Мезенского района в интерьере крестьянской избы зафиксировано «злыднево дерево» – это нарост на бревне, использованном для строительства дома 1909 года (см. фотографию 1)¹. По воспоминаниям хозяйки, он приносит несчастье его владельцам. «Два их в доме – над печкой и за печкой. Это злыднево место. Люди не живут. У кого купили дом, были бездетны. И у нас дочь умерла»².

Фотография 1.

*«Злыднево дерево» в доме Т.А. Паюсовой,
село Кимжа, Мезенский район*

«Многие основополагающие и в силу этого универсальные традиции архитектурного формообразования уходят своими истоками в глубокую древность. Этот известный, но недооцениваемый факт побуждает обращаться к изучению архаических пластов профессионального сознания, в которых улавливаются признаки изначальной органической встроенности архитектуры в общекультурный контекст» [5, с. 123 – 139]. Для того чтобы диалог с прошлым не превратился в диалог с самим собой, необходимо начать с тех вопросов, которые культура

¹ Автор данной и следующей фотографий (1, 2) в настоящей статье А.Б. Пермиловская.

² ПМА. Информант: Т.А. Паюсова, 1929 г.р., м.р. и м.п. – село Кимжа, Мезенский район, запись 2004 года.

прошлого задавала сама себе, которые ей понятны и по которым она высказывалась [8, с. 8 – 9].

При изучении народной архитектуры очень важен такой подход, который предусматривает рассмотрение культуры народа изнутри, с его точки зрения, так как народ и творит эту культуру, и передает ее последующим поколениям. Такой подход дает большие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, для реконструкции целостной картины мира их носителей.

В проблемном поле данного исследования подобный подход используется для выявления культурно-генетического кода культуры. В основе гипотезы исследования лежит народная метафора: «Как мера и красота скажут», которая выступает как генетический код севернорусской культуры.

Указанная выше метафора берет свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества. На Севере церкви во множестве случаев строились по инициативе крестьян, они зачастую были не только религиозными, но и общественными центрами. Крестьянский волостной мир для строительства церквей приглашал профессиональных мастеров-плотников. Строили храмы из дерева, а «деревянное дело» было у северян «за обычай». В порядных – своеобразных письменных заданиях-договорах на строительство, выполняющих роль юридического документа, подробно оговаривалось, какой должна быть церковь. Это были своего рода словесные чертежи, где в качестве образцов приводились аналогичные постройки и формы. Но, получив представления о будущем строении, мастера должны были полагаться на свой опыт, чутье и вкус. Недаром в старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками), обычно встречаются такие выражения: «делать по урожеству», «рубить, как пригож», «...а строить высотою, как мера и красота скажет». Например, в знаменитой рядной записи сельского артельного мастера Ф. Конемаза на постройку погоста в Усть-Кулое сказано: «А рубить мне Федору в высоту до порога девять рядов, а от поволоки до поволоки как мера и красота сажет... а клин на церкви рубить по тесу три сажени печатных... панперть срубить дву сажен ручных»¹.

При этом мы не должны забывать, что язык – один из важнейших кодов культуры. Язык – ее первоначальная, древняя основа, которая всегда стоит за любым культурным знаком, ибо все выраженное культурными текстами может быть выражено средствами языка [29, с. 31]. И хотя метафорическое высказывание принадлежит к сфере языка, «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [14, с. 203], она отражает глубинный смысл внутри концептуальных областей. Анализ метафоры в научном исследовании дает возможность рассматривать ее как важнейший источник для выявления культурного кода [24]. Семиологическая традиция, по меньшей мере, всегда зависит от стоящей за ритуалом языковой системы, которая передается от поколения к поколению [34, с. 379].

Народная культура с ее календарем, предсказаниями, знамениями, приметами создает свою версию метафорической символики. Метафора используется в рамках научного дискурса, и это связано с расширением трактовки этого поня-

¹ См. архитектурную энциклопедию. Режим доступа: architect.claw.ru/shared/418.html.

тия – как любого способа выражения смысла текста. В человеческом сознании существуют основополагающие метафоры, которые предопределяют видение мира и стиль мышления.

Метафора как код культуры служит при выявлении эвристических научных гипотез. В науке она – необходимое средство научного творчества. Практически всякое новое научное понятие появляется как некая метафора, становясь точным понятием лишь с течением времени.

В метафоре «Как мера и красота скажут» сформированы смыслы строительной и культурной традиции, народное мировоззрение. Сохранение и трансляция его культурного кода проявились в народном деревянном зодчестве и в храме как феномене традиционной культуры Русского Севера.

В качестве примера можно привести уникальный из сохранившихся сельских ландшафтов – село Кимжа на Мезени [23, с. 169 – 180; 21; 1, с. 88 – 93; 22, с. 119 – 133], представляющее собой феномен культурного ландшафта, который складывался столетиями, начиная с начала XVI века (см. фотографию 2).

Кимженская церковь – это редкий по красоте, силуэту и плотницкому мастерству храм, что, безусловно, позволяет отнести ее к выдающимся произведениям не только русского, но и мирового деревянного зодчества. Одигитриевский храм обращен одновременно к реке и главной площади села, которую окружали дома богатых кимженских крестьян. Он неразрывно связан со всем окружением и в то же время господствует над окрестой. При высоте 38 м церковь вертикалью противостоит горизонтальным линиям берега и вытянувшемуся на 1,5 км селу.

Храм поставлен в излучине реки Кимжа, где она делает поворот, «так что порядки домов, повторяющие изгибы берега, с обеих сторон упираются в церковную площадь». Церковь гармонично слита с окружающим ландшафтом и поставлена настолько удачно, что маковки храма видны почти из каждой кимженской избы. А для всех плывущих к селу по реке сначала силуэт, а затем и вся церковь возвышалась как маяк и конечная цель путешествия [19, с. 105]. Архитектура храма во многом определялась местом, и каждый раз силуэт ее заново возникает с разных панорамных точек: при подходе к деревне, со стороны леса, кладбища, с реки, поражая красотой и совершенством. «Мощному аккорду церкви в разных частях деревни и за ее пределами как бы вторили маленькие подголоски – пять часовен, теперь не существующих, а также множество могильных и светильных крестов, которые, как и мельницы, окружали Кимжу, словно оберегая ее от злых духов и недобрых людей» [19, с. 109].

В зависимости от ракурса восприятия, смены освещения и времени года храм предстает в разном облике. Церковь обладает удивительной архитектурной особенностью, в основе которой лежит основной принцип народного зодчества и божественной гармонии мироздания, запечатленный в образе храма: «Как мера и красота скажут».

С 1968 года Одигитриевская церковь (см. фотографию 3)¹ находится на всеобщей, затем российской государственной охране. Ее реставрация носила за-

¹ Фотография Н. Чеснокова.

тяжкой характер, прерываясь на десятилетия. В 1999 году по инициативе местных жителей был открыт церковный приход.

Состояние церкви на 2006 год оценивалось как аварийное. Были заменены семь нижних венцов сруба. Сруб церкви и колокольни в некоторых местах поднят на городки. Для укрепления сделаны стяжки из досок по всей поверхности по типу «шпонок». Марши лестниц в колокольне разрушены, отсутствовал пол и потолок в трапезной. Интерьер церкви не сохранился.

Храм в Кимже вошел в программу «Культура Русского Севера». В 2007 году были проведены противоаварийные работы, укреплена колокольня с западной стороны, которая грозила обрушением¹. Это было сделано для того, чтобы, имея достаточный запас времени, сделать научный проект реставрации церкви.

Фотографии 2, 3.

*Уникальный культурный ландшафт
Русского Севера – село Кимжа,
Мезенский район*

*Одигитриевская церковь,
село Кимжа,
Мезенский район, 1709 год*

Фотография 2.

Фотография 3.

В 2008 году началась реставрация памятника. Автор проекта реставрации – архитектурно-реставрационное предприятие «Лад» (город Петрозаводск). Реставрационные работы ведет Поморская плотницкая школа. В конце 2008 года должен был быть выполнен проект реставрации церкви, но без основательных причин, без разрешения Росохранкультуры, без проекта реставрации и мониторинга древесины в сентябре-октябре 2008 года церковь была разобрана, а точнее раскатана, что является серьезным нарушением методики реставрации памятни-

¹ Исполнитель – «Творческая мастерская реставрация и декор» (город Архангельск).

ка. Проект реставрации был завершен в декабре 2008 года и согласован в Росохранкультуре в феврале 2009 года. Выполнение реставрационных работ до согласования проекта является нарушением процесса научной реставрации и в дальнейшем может привести к утрате церкви как подлинного памятника архитектуры и объекта культурного наследия.

В 2009 году из-за экономического кризиса финансирование реставрации Одигитриевской церкви приостановлено.

Сегодня по всей стране, в том числе и в Архангельской области, все чаще встречается пренебрежительное отношение к научной реставрации памятников архитектуры. Игнорируются требования Закона «Об объектах культурного наследия», который не допускает реконструкцию памятников и требует сохранения подлинности, то есть того, что и делает памятники памятниками. Подлинность определяется четырьмя параметрами – подлинностью материала, мастерством исполнения, формой и окружением (контекстом). Только совокупность этих факторов обеспечивает ценность объекта культурного наследия. Это закреплено в Венецианской хартии 1964 года и повторено в своде реставрационных правил МК 2007 года: «Подлинность – определяющий фактор ценности объектов культурного наследия».

В настоящее время необходим действенный контроль за реставрацией Одигитриевской церкви, чтобы избежать появления новодела памятника, как это случилось в селе Конецдворье Приморского района в 2006 году, где после «реставрации» ввиду откровенного новодела статус федерального памятника с конецдворской церкви был снят.

Происходящее означает глубокое непонимание созидательной и стабилизирующей роли в обществе исторической памяти. Ее забвение и подмена подлинных памятников имитацией грозит обернуться разрывом историко-культурной цепи. Памятники – зrimая, осозаемая часть истории. Они являются одной из основ нации, в которой воплотились ее единство и самосознание. Памятники-храмы несут важный культурный смысл и ценность традиционной культуры.

Мир традиционной культуры Русского Севера напоминает современникам старую, но периодически забываемую истину – полноценное настоящее может существовать только на перекрестке между прошлым и будущим.

Примечания

1. *Permillovskaya A. Kimzha – New Prospects for Creating the Open Air Museum «in situ» in the Russian North // Association of European Open Air Museums 22nd Conference.* – Finland, 2005. – P. 88 – 93.
2. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. – СПб., 1908. – Кн. 3.
3. *Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян.* – Л., 1983.
4. *Биллингтон Д. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры*: пер. с англ. – М., 2001.
5. *Бондаренко И.А. Образ геоцентрической вселенной в традиционном зодчестве // Народное зодчество: межвуз. сборник.* – Петрозаводск, 2004.

6. Власова И.В. К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения (по источникам XII – XX веков) // Мировоззрение и культура севернорусского населения. – М., 2006. – С. 116 – 117.
7. Власова М.Н. Новая абевега русских суеверий: ил. словарь. – СПб., 1995.
8. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990. – С. 8 – 9.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 3 т. – М., 2002. – Т. 2
10. Иванова А.А., Калуцков В.Н. Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Поморские чтения по семиотике культуры: сб. науч. ст. – Архангельск, 2008. – Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. – С. 193.
11. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. – Вологда, 1992.
12. Камкин А.В. Союзы севернорусских крестьянских миров в системе расселения и жизненной повседневности XVII – XVIII веков // Мировоззрение и культура севернорусского населения. – М., 2006. – С. 238 – 239.
13. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2008.
15. Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. – Л., 1982.
16. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979.
17. Максимов С.В. Год на Севере. – Архангельск, 1984.
18. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера: страницы истории. – Л., 1981.
19. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. – Л., 1971.
20. ОГВ. – 1885. – № 65. – С. 603.
21. Пермиловская А.Б. Кимжа. – Архангельск, 2007.
22. Пермиловская А.Б. Проект Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения, сохранения и развития: (на примере села Кимжа Мезенского района Архангельской области // Народное зодчество: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию академика Д.С. Лихачева «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России». – Петрозаводск, 2007. – С. 119 – 133.
23. Пермиловская А.Б. Село Кимжа. Пространственная организация и памятники традиционного деревянного зодчества // Архитектурное наследство. – М., 2008. – Вып. 49. – С. 169 – 180.
24. Свиренко О.А. Метафора как код культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов н/Д., 2002.
25. Свирида И.И. Ландшафт в культуре как пространство. Образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир. – М., 2007. – С. 24.
26. Север. – 1971. – № 1. – С. 106.
27. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. – Архангельск, 2004.
28. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. – Архангельск, 1993.

29. Толстая С.М. К понятию культурных кодов // АБ – 60: сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. – СПб., 2007. – С. 31.
30. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. – М., 1982.
31. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. – Л., 1982. – С. 97.
32. Флоренский П.А. Имена. – М., 2001.
33. Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. – М., 2001.
34. Якобсон Р.О. Лингвистика и ее отношение к другим наукам // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.

Е.Ф. Луцковская,
главный хранитель МУК «Северодвинский городской
краеведческий музей», г. Северодвинск

Из истории Амбурского старообрядческого скита

Нёнокса, Куртяево, Рикасиха, Шихариха, Лая, деревня Большая и Малая Кудьма – все это окрестности современного Северодвинска, известного центра атомного судостроения. Здесь задолго до появления нашего города веками жили и работали люди, обустраивали свой быт. До сегодняшнего дня история многих северных деревень и поселений так и остается неизвестной или малоизученной. Отдельное место в этом списке занимают поселения в районе бывших деревень Амбурские, Пёrtозero, Корода, Белое, где ранее располагались старообрядческие скиты.

По затрагиваемой в настоящей статье проблеме нет специальных трудов, исследований. Указанные выше места никогда не изучались музеями. В данные населенные пункты не проводились экспедиции¹. В советские атеистические времена изучением истории старообрядческих поселений в окрестностях нашего города, духовной, хозяйственной, культурной жизни староверов не занимались. Не было публикаций и в прессе. По известным причинам Северодвинск тогда был закрытым городом, и в его истории было много «белых пятен» и запретных тем.

Первое посещение бывшего Амбурского скита состоялось в 1972 году. Первым директором северодвинского музея Т.А. Питолиной было привезено 60 предметов, которые были одними из первых поступлений в фонды начинающего музея. Они и положили начало амбурской коллекции.

С тех пор прошло без малого сорок лет. В настоящее время на месте бывшего Большекородского скита находится СНТ «Беломор», на Пёrtозере сохранилась одна старопрежняя банька. И только на Амбурских осталось несколько

¹ Есть лишь косвенные упоминания в общей исторической литературе по старообрядчеству и культуре Русского Севера: Бернштам Г.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX веков. – Л., 1983. – С. 96; Гемп К.П. Сказ о Беломорье: словарь поморских речений. – М. – Архангельск: Наука, Поморский университет, 2004.